

Неизвестные страницы истории Второй мировой войны: советские военнопленные в Финляндии (1941–1944 гг.)

Т. С. ДРАМБЯН*

*Ceux qui ne se souviennent pas du passé
sont condamnés à le revivre**.*

G. Santayana

За последние десятилетия вышли в свет сотни книг, статей, воспоминаний и других публикаций российских авторов, посвященных проблеме военного плена и положению военнопленных во время Второй мировой войны. Однако всем этим публикациям, несомненно представляющим большой научный и познавательный интерес, присуща общая характерная особенность: авторы упорно избегают освещать в своих работах положение советских военнопленных в Финляндии, использование их труда в финском народном хозяйстве, а главное, гуманный вклад Международного Комитета Красного Креста и Финского Красного Креста, благодаря усилиям и помощи которых более чем 40 тысяч советских военнопленных в финских лагерях с июня 1942 г. по октябрь 1944 г. регулярно получали посылки Красного Креста.

Это и обусловило главную задачу данной статьи: восполнить пробел, допущенный отечественной историографией, и объективно и бес-

* Т. С. Драмбян — московский историк, доктор исторических наук, профессор, во время Второй мировой войны служил офицером в Красной Армии. (Сведения об авторе указаны на момент представления рукописи в редакцию Журнала. — *Прим. ред.*)

Статья написана на русском языке.

** «Человек, не помнящий о прошлом, обречен на то, чтобы пережить его вновь». Д. Сантаяна. (Перевод МККК.)

пристрастно на богатом фактическом материале изложить историю и особенности пребывания советских военнопленных в Финляндии в 1941–1944 гг.

Основной фактический материал для данного исследования почерпнут в архивных фондах министерства обороны и министерства здравоохранения Финляндии и архиве Финского Красного Креста. Существенную помощь оказали труды финских историков Эйно Пиэтолы и Ааре Саллинена, а также московского писателя, бывшего узника лагеря военнопленных в Финляндии Н. Дьякова — автора книги «Под чужим небом», 1990 г. Среди первоисточников на французском и английском языках использована также «История Международного Комитета Красного Креста. От Сараево до Хиросимы» Андре Дюрана (Женева, 1978 г.).

Советский Союз и Женевские конвенции

Напомним, что в начале Второй мировой войны Советский Союз не был участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными во время войны (1929 г.). Советское правительство ратифицировало лишь Женевскую конвенцию 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, о чем было заявлено в специальной декларации тогдашнего народного комиссара по иностранным делам Союза ССР М. Литвинова 25 августа 1931 г. Международный Комитет Красного Креста неоднократно пытался убедить Советский Союз поставить свою подпись под Женевской конвенцией об обращении с военнопленными во время войны от 27 июля 1929 г. Одна из таких попыток была предпринята МККК в связи с началом военных действий между СССР и Финляндией 4 декабря 1939 г. МККК предложил свои услуги воюющим сторонам и послал в Финляндию своего представителя, которому финские власти в порядке исключения разрешили даже посетить транзитный лагерь для советских военнопленных в Финляндии, а Финский Красный Крест представил в Женеву список взятых в плен в ходе военных действий красноармейцев и командиров Красной Армии.

Как явствует из некоторых рассекреченных материалов архива НКВД СССР, после завершения военных действий в марте 1940 г. финская сторона передала СССР более 5 тысяч советских военнопленных — они были сразу же заключены в Южский (Ивановская область) лагерь НКВД и позже, в августе 1940 г., расстреляны. В Сестрорецком лагере НКВД,

по данным на 24 июля 1940 г., находились в заключении 18 финских военнопленных, отказавшихся возвратиться в Финляндию¹.

Советские военнопленные в Финляндии

Согласно официальным данным Управления по делам военнопленных при штабе главнокомандующего, в ведении которого находились администрация и охрана 23 лагерей советских военнопленных в Финляндии, в ходе боев за период с июня по сентябрь 1941 г. финские подразделения взяли в плен 64 188 красноармейцев и командиров Красной Армии², в том числе много раненых.

В сентябре 1941 г. Красная Армия остановила наступление германо-финских войск на Карельском перешейке, отразив их попытку захватить порт Сорока и прорваться к Мурманску, куда поступали грузы с военным снаряжением и техникой по ленд-лизу от наших союзников по антигитлеровской коалиции. Боевые действия на фронте с октября 1941 г. по 9 июня 1944 г. не носили активного характера. Фронт стабилизировался, и обе стороны перешли к позиционной войне. Но именно за первые четыре месяца боевых действий на Карельском перешейке и было взято преобладающее большинство пленных: так, уже в августе 1941 г. в финском плену оказались 17 215 советских солдат и командиров, а к 9 сентября 1941 г., когда наступательные операции финских и немецких войск были завершены, в Финляндии в лагерях военнопленных содержалось уже более 60 тысяч бывших военнослужащих Красной Армии.

Эти же начальные месяцы войны характеризуются высокой смертностью советских военнопленных в финских лагерях: за период с 10 июня 1941 г. по февраль 1942 г. в лагерях Финляндии умерло 14 282 человека, а за весь период войны 1941–1944 гг. — 18 700 человек. Институт военной науки и Финский Красный Крест объясняют столь высокую смертность среди советских военнопленных недостаточным питанием, изнурительным трудом и болезнями.

Администрация лагерей для советских военнопленных в Финляндии, следуя инструкции Финского Красного Креста, освобождала больных пленных от работы, направляя их в лагерные лазареты, где им

¹ «Военно-исторический журнал», 1990, № 6, с. 53, а также: В. Б. Конасов, В. М. Подольский, А. В. Терещук. Неизвестные страницы истории. М., 1992, с. 6.

² Здесь и далее данные о численности советских военнопленных в Финляндии в 1941–1944 гг. приводятся по статье Эйно Пиэтолы «Военнопленные в Финляндии. 1941–1944 гг.», опубликованной в журнале «Север» (Петрозаводск), 1990 г., № 12, с. 91–132.

оказывалась необходимая медицинская помощь как финским медперсоналом, так и врачами из числа военнопленных, среди которых было немало высококвалифицированных медиков из Ленинграда и Москвы. Как для финского, так и для советского медперсонала лагерных лазаретов клятва Гиппократата была священным девизом.

Высокая смертность среди советских военнопленных сохранялась до весны 1942 г., когда маршал К. Маннергейм, ознакомившись с докладом комиссии Финского Красного Креста о бедственном положении лагерей для военнопленных, произвел кардинальные перемены. Функции управления и охраны лагерей военнопленных, прежде находившиеся в ведении штаба тыловых частей, были переданы вновь созданной при штабе главнокомандующего вооруженными силами Финляндии Комендатуре по делам военнопленных, перед которой поставили задачу коренного улучшения положения военнопленных в лагерях и более гуманного обращения с ними.

1 марта 1942 г. председатель Финского Красного Креста, он же главнокомандующий вооруженными силами Финляндии, маршал Маннергейм в письме, направленном президенту Международного Комитета Красного Креста в Женеве, известил МККК о согласии Финского Красного Креста принять продовольственную и иную помощь для советских военнопленных в Финляндии. Вот что, в частности, писал маршал Маннергейм³:

«Мы искренне желали бы соблюдать и уважать законы, установленные международными договорами и другими гуманными соглашениями, касающимися обращения с нашими военнопленными, но в настоящее время мы стоим перед кризисом, из которого нам невозможно будет выйти одними лишь собственными силами. Критическое положение нашей страны в области продовольственного снабжения не позволяет нам улучшить ни количество, ни качество рациона питания для военнопленных. Мы даже не уверены и не можем гарантировать, что сегодняшний уровень снабжения военнопленных продовольствием может и дальше быть обеспечен: ведь всякое увеличение норм продовольственного пайка военнопленных в итоге должно быть осуществлено за счет нашего гражданского населения.

Ставя Вас в известность о создавшемся положении, мы надеемся, что Международный Комитет Красного Креста заинтересуется положе-

3 A. Durand. Histoire du Comité international de La Croix-Rouge — de Sarajevo à Hiroshima. Genève, Institut Henry-Dunant, 1978, p. 443 et suiv.

нием наших военнопленных и изыщет необходимые средства для оказания им помощи. Самое необходимое, в чем мы испытываем наибольшую потребность, это снабжение военнопленных продовольствием и медикаментами. Со своей стороны, мы были бы счастливы принять представителя Международного Комитета Красного Креста, для которого мы готовы создать все необходимые условия для контроля за распределением посылок, предназначенных исключительно для нужд советских военнопленных в Финляндии».

Ответ на это обращение маршала Маннергейма не заставил себя долго ждать: МККК призвал многочисленные организации Красного Креста направить гуманитарную помощь Финскому Красному Кресту, стремившемуся оказать действенную помощь русским военнопленным в своей стране. На призыв МККК откликнулись Американский Красный Крест, национальные общества Красного Креста Канады, Швеции, Аргентины и Швейцарии.

В результате принятых МККК мер в лагерях для советских военнопленных в Финляндии за период с июня 1942 г. по октябрь 1944 г. было распределено 500 тонн продовольственных посылок. Каждая посылка содержала сухое молоко, мясные консервы, сахар и другие продукты питания, а также сигареты. Кроме продуктов питания в лагерь военнопленных было доставлено 500 тысяч таблеток витаминов и другие медикаменты.

Положение советских военнопленных в финских лагерях выгодно отличалось от положения советских военнопленных в немецких лагерях. Судите сами: в Финляндии военнопленных не принуждали работать. Администрация лагерей установила две нормы ежедневного пайка: одна для неработающих, другая — для тех, кто работал, при этом размер ежедневного пайка для работающих военнопленных ненамного отличался от ежедневной нормы продовольственного пайка для финского солдата.

Помимо этого, труд военнопленного, занятого в народном хозяйстве, оплачивался: согласно расценкам, установленным за труд военнопленного, занятого в сельском хозяйстве, фермер платил каждому ежедневно по 50 финских марок, а за каждого военнопленного, занятого на промышленном предприятии, владелец выплачивал в день по 60 марок. Из архивного фонда Главного штаба тыловых частей, ведавшего лагерями военнопленных в первый год войны, следует, что советские военнопленные были в основном задействованы на таких работах, как осушение болот, торфоразработки, прокладка железнодорожного полотна, в сельском хозяйстве и на погрузочных работах в порту Вааса.

Договор о перемирии между Финляндией и СССР был ратифицирован парламентом этой страны 19 сентября 1944 г., а три недели спустя началась репатриация из Финляндии первой партии советских военнопленных численностью 1078 человек. Кстати, до сих пор остается невыясненной судьба 44 453 советских военнопленных, списки которых Финский Красный Крест передал советской стороне перед их возвращением на родину.

Как удалось установить из материалов Советской контрольной комиссии, наблюдавшей за выполнением финской стороной условий перемирия и репатриации советских военнопленных из Финляндии в СССР, далеко не все они изъявили желание вернуться домой: уже в первые же дни репатриации более 100 военнопленных предпочли остаться в Финляндии или перебраться в Швецию. Судьба их и поныне неизвестна. К числу невозвращенцев следует причислить также и тех, кто добровольно вступил в финскую армию. Среди них насчитывалось более 2 тысяч ингерманландцев, немцев Поволжья и выходцев из республик Закавказья.

Небезынтересно отметить в связи с этим, что в советском плену в годы войны 1941–1945 гг. содержалось 2475 финских военнопленных, из них в плену умерло 404 человека. На родину в Финляндию отдельными партиями вернулись 1931 человек. 20 финских военнопленных отказались возвратиться домой, остались в Советском Союзе и приняли советское гражданство⁴.

Свидетельства военнопленных

Кроме вышеупомянутого архива Главного штаба тыловых частей, начальник которого регулярно представлял Финскому Красному Кресту данные о состоянии лагерей военнопленных, не менее важный документальный материал содержится в трудах финских исследователей проблем плена в Финляндии Эйно Пиэтолы⁵ и Ааре Саллинена⁶, а также в мемуарах бывшего советского военнопленного в Финляндии Николая Дьякова⁷.

4 Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997, с. 67, 140, 141.

5 См. выше, примечание 2.

6 Ааре Саллинен, Павел Леонтьев. Узники финского лагеря № 11. — «Север», 1990 г., с. 110–117.

7 Дьяков Н. Ф. Под чужим небом. Записки о финском плене. 1941–1944 гг. — «Север», 1991 г., № 3, с. 95–123, № 4, с. 103–140, № 5, с. 106–127.

«С первых дней пленения, — вспоминает Н. Дьяков, — я увидел две Финляндии: Финляндию Ристо Рюти, Вяйне Таннера и шюцкора, действовавших заодно с Гитлером, и Финляндию большую, которую хочется назвать только ласковым, певучим исконно финским словом Суоми, которая с благоговением и любовью поклоняется своему великому богу — Труду, Финляндию рабочих и крестьян. Люди трудовой Финляндии всегда были и остаются людьми в самом прекрасном смысле этого слова»⁸.

Некоторые сведения о судьбе советских военнопленных, вернувшихся из финского плена на родину, содержатся в интересной и содержательной статье исследователя Ааре Саллинена «Узники финского лагеря № 11»⁹. Не сохранилось никаких документов об этом лагере в Валкеакосски и сведений о судьбе его узников, работавших на бумажной фабрике, выполнявшей военные заказы Германии. Казалось, что тайна лагеря № 11 так и не будет раскрыта, однако Ааре Саллинену после долгих поисков в архивах министерства здравоохранения и Финского Красного Креста удалось обнаружить сведения о лагере советских военнопленных в Валкеакосски и ознакомить общественность с именами 105 узников этого лагеря и с именами тех 15 узников, которых финны передали немцам. Но это не все: не ограничившись достигнутым, Ааре Саллинен продолжил свою работу с целью выяснить дальнейшую судьбу узников лагеря № 11 после их возвращения на родину.

Вот что он об этом пишет:

«В 1980 г. один из бывших военнопленных, которых после окончания войны финны передали советской стороне, — П. Ф. Никутьев рассказал, что после передачи и короткой проверки их погрузили в Беломорске на два старых парохода. Первый, не успев едва пройти километр от причала, взорвался. Никого спасать не стали. Второй пароход благополучно достиг цели, и Никутьева осудили на 10 лет и послали работать в Коми. Вспомнив это, я задумался: а все ли репатриированные вернулись к себе домой?»

Во время открытия памятника 27 русским военнопленным лагеря № 11 в Валкеакосски на их могилы никто из близких не приехал. На открытии памятника из Хельсинки приехали военный атташе советского посольства в Финляндии генерал Константинов и его заместитель полковник

⁸ Дьяков Н. Ф. Под чужим небом. Записки о финском плене. 1941–1944 гг. — «Север», 1991 г., № 3, с. 95–123, № 4, с. 103–140, № 5, с. 106–127.

⁹ См. выше, примечание 6.

Мудрик. Я передал им сведения о похороненных на кладбище советских военнопленных. Они поблагодарили меня, но никакого ответа от них я так и не получил. Затем я обратился в Общество Финляндия—СССР, но и они также не проявили интереса.

Я понимаю, что на родине к вернувшимся из плена отнеслись неласково, эта же тень падала и на их семью, которая лишена была социальной помощи. Но ведь пленные не виноваты — виноваты события, не ими начатые...

Для меня они все вроде бы люди далекие, но многие их личности и имена стали мне близкими и знакомыми. Я хотел бы получить вести от них или о них. Хочется хоть для кого-то из них быть полезным»¹⁰. Так пишет простой финский труженик, ветеран войны, движимый лишь одним благородным стремлением выяснить дальнейшую судьбу бывших узников лагеря № 11 в Валкеакоски, установить с ними связь, стараться оказать им посильную помощь.

¹⁰ Дьяков Н. Ф. Под чужим небом. Записки о финском плене. 1941–1944 гг. — «Север», 1991 г., с. 115 и посл.